

**УДК 327**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ  
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

**Юрченко С.В.**

**Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского**

Особенностью современной международной системы является константа флюидности – стабильность с распадом биполярной системы международных отношений оставляет место масштабным и бесконечным изменениям. Сейчас проблему для исследователя формирует не дефицит эмпирических данных, а напротив, стремительно растущее их количество. Поэтому встает вопрос не нахождения фактов или статистических данных, а выбор и изучение главных явлений и тенденций, влияние которых является основой в развитии мирового сообщества.

Эта проблема, безусловно, понимается исследовательским сообществом, и мы за последние 15 лет видим смелые попытки изучения глобально-масштабных процессов и моделирования динамики развития международных отношений как единой системы. Сейчас созданы более 20 глобальных моделей, которые предлагают разные варианты развития событий, отображая желание их авторов заглянуть в будущее на основании анализа статистики, учета новых факторов и тенденций развития, экстраполяции существующих данных на следующие десятилетия, сравнение своих выводов с футурологическими прогнозами специалистов с других стран.

Пятнадцать лет – это значительный период времени в научном осознании главных тенденций международного развития, и сейчас мы, имеем результат работы целого поколения исследователей из разных стран мира, главные подходы и концепции которых нуждаются в научной инвентаризации для того, чтобы современные и будущие исследования учитывали как весомые взносы в интерпретацию системности международных отношений, так и проблемные вопросы, которые составляют перспективу исследования.

Среди тенденций, которые определяют направление трансформации современной системы международных отношений и характеризуют современную международно-политическую и социально-экономическую картину мира, большинство отечественных и зарубежных исследователей называют глобализацию, интеграцию, регионализацию, децентрализацию, фрагментацию, изменение роли национальных государств и демократизацию, концентрируя внимание на взаимовлиянии и противоречивости этих процессов.

Известный российский ученый-международник А.И. Уткин, конкретизируя конфигурацию указанных тенденций, подчеркивает, что несколько «мощных сил меняют прежнюю картину мира и уверенно подводят мировое сообщество к новому состоянию», результатом чего будет «новая конфигурация миропорядка, новое соотношение сил, новая геополитическая, экономическая, цивилизационная картина мира» [1].

Среди этих сил, он выделяет реализацию геополитической мощи главным победителем в «холодной войне» – Соединенными Штатами - и экстраполяцию американской мощи на глобальное окружение, создающую однополярную структуру мира; бурный рост экономики в индустриальном треугольнике – Северная Америка, Западная Европа и Восточная Азия, в результате которого развитое меньшинство (страны – члены ОЭСР) подчиняет своей власти огромное большинство людей; разрушительный хаос, наступающий на мировое сообщество вследствие ослабления государств-наций (на фоне укрепления влияния ТНК и негосударственных организаций, создающих нерегулируемые процессы); обращение государств к новой идентичности, базирующейся на возврате к традициям, устоям, исконной религии, историческим святыням; грозящую глобальным взры-

вом поляризацию бедного и страждущего большинства населения планеты и материально благоденствующего меньшинства; феноменальный демографический рост населения Земли, особенно его бедной части; неожиданный подъем новых гигантов – Китая, Индии, Бразилии; иммиграцию – смещение колоссальных масс населения в зоны чуждых им цивилизационных канонов; конфессиональное разобщение человечества; оскудение земной оболочки ресурсами; и развитие науки, давшей толчок развитию производительных сил, но и оснастившей человека средствами глобального разрушения.

Большее приближение к рассмотрению указанных тенденций приводит специалистов к прогнозам, в духе тех, которые содержатся в исследованиях Совета по внешней и оборонной политике России, которые, характеризуя «контуры недалекого будущего» в 2017 г., отмечают возможность умеренного общемирового развития на основе продолжающейся глобализации и сочетания на национальном уровне стратегий приспособления эволюционного совершенствования и радикального реформирования; сведение до минимума угрозы глобального конфликта, но возрастание противоречий на региональном и локальном уровнях; усиление тенденции к полицентризму, в контексте провала попытки США силовым путем закрепить одностороннее лидерство, но не в виде возврата к классической модели, а в виде формирования многоуровневой высокоподвижной системы, в которой на первый план выдвигаются глобальные проблемы (обеспечение человечества чистым воздухом, водой и продуктами питания в контексте гармонизации антропогенного воздействия на природу; деградация почвы; дефицит запасов чистой воды; сведение лесов; глобальное потепление и т.д.).

При этом обоснованно акцентируется кризис управляемости международной системы, проявляющийся в неадекватности механизмов поддержания международной безопасности, созданных после Второй мировой войны – ООН, НАТО, ОБСЕ – вызовам и угрозам XXI столетия; отсутствию явных успехов в их реформировании; внутреннем ослаблении государств – главных элементов системы международных отношений; усугублении кризиса государственного управления ряда стран Африки, Ближнего и Среднего Востока; оформлении на рубеже веков тенденции принимать решения вне рамок международных институтов, что подрывает их легитимность; кризисе международного публичного права, преимущественно в части применения военной силы; ослаблении режима нераспространения ОМУ.

Концентрация внимания на военно-политических аспектах основных процессов трансформации международных отношений приводит некоторых исследователей к выводу о том, что в современном мире одной из ведущих тенденций является формирование «нового геополитического субъекта – мировой финансовой олигархии», «наднациональной мировой элиты, ядром которой являются сверхбогатые люди планеты, крупные транснациональные корпорации, а также наркомафия с годовым оборотом около 1 трлн. долларов и другие международные преступные сообщества», при этом «Соединенные Штаты с их политической, экономической и военной мощью выступают... тараном, реализующим установки мировой олигархии... Для придания своей деятельности международного характера империя интенсивно использует НАТО, ОБСЕ, Совет Безопасности ООН, сеть неправительственных организаций, спецслужбы» [2].

В этом отношении, отмечает президент Академии геополитических наук Л.Г.Ивашов, ведущей тенденцией мирового развития является то, что «военная мощь США и НАТО под давлением империи-олигархии – разрушает цивилизации, способные противостоять США и новым хозяевам мира» [3]. При этом подчеркивается, что «противостояние переходит из сферы борьбы за территорию, ресурсы, коммуникации в духовно-цивилизационную сферу», сферу сознания, и театром военных действий становятся «устои сознания: традиционные ценности народов, их религия, культурные коды, нормы морали, архетипы поведения».

В этом отношении следует особо отметить попытки «экспорта демократии». Действительно демократизация является одной из тенденций, которая во многом определяет трансформацию современной системы международных отношений. Но понимается эта тенденция порой упрощенно, как фиксируемый на конкретный исторический момент рост

количества демократических государств, усиление и развитие демократических институтов и процедур, в разных странах, причем зачастую под внешним воздействием. При этом отмечается, что если в начале XX века относительно небольшое количество государств можно было рассматривать как демократические, да и сами они далеко не всегда предусматривали всю полноту избирательного и других прав, то в начале XXI века эти проблемы оказались если не решенными, то, по крайней мере, разрешимыми; что впервые в истории «демократическое пространство» раскинулось так широко, что превратилось в доминанту геополитического ландшафта мира, а отдельные островки тоталитаризма или авторитаризма остались на обочине магистрального развития мировой политики и никак не могут претендовать на существенную роль в ее формировании; что складывается глобальная среда, которая неблагоприятна для нового раскола мира по идеологическим признакам, а благоприятна для трансформации структуры международных отношений на демократических основах.

Однако направленность и оценка долговременности «демократической волны» рубежа веков требует более пристального внимания. Представляется бесспорным, что новые демократии сталкиваются с целым рядом сложных проблем: инфляцией, бедностью населения, низкими темпами развития, огромными долгами, резкой дифференциацией социальных групп, слабыми государственными институтами. В этих условиях демократическое правление представляется не всегда прочным и долговременным. В этом смысле необходимо помнить, что за каждой из двух прошлых волн демократизации после I и II мировых войн наблюдался значительный откат: в 1922 г. в мире насчитывалось 32 демократические страны, а через 20 лет их осталось только 12. Апогей второй волны пришелся на 1950-е годы, но к началу 1970-х годов количество демократических стран в мире снова существенно уменьшилось [4]. Поэтому мы имеем некоторые исторические основания для вывода о том, что может начаться спад и третьей волны демократизации и возрождение в некоторых странах той или иной формы авторитаризма.

В этом контексте нужно учитывать и то, что сам процесс демократизации и функционирования демократии может осложнить отношения между этническими и религиозными группами обществ, усиливая возможности кризисов на этих основаниях и тенденцию к реставрации авторитарного руководства, которое, как свидетельствует исторический опыт, может определенный период более эффективно контролировать многонациональные народы и государства.

Фундаментальным фактором выступает наступление новой эры, о которой американский исследователь Ч. Капхен писал так: «В настоящее время на пороге новая эпоха – цифровая эра... Индустриальное общество разрушается все очевиднее по мере того, как происходит внедрение цифровых технологий... «Рассвет» эры цифровых технологий и закат индустриальной эпохи оказывают значительное воздействие на основные политические и социальные институты, явившиеся плодом индустриализации, а именно на республиканскую демократию и национальное самосознание. В самом деле, закат индустриальной эпохи и переход к цифровой экономике способны серьезно пошатнуть основы демократической государственности. Один цикл истории уже завершился, а другой лишь восходит на горизонте» [5].

Продолжая эту линию рассуждений, Ч. Капхен подчеркивает, что «переход от эпохи к эпохе, как правило, сопровождается «смутными временами», из чего следует, что завершение нынешнего исторического цикла ознаменуется не столько демократическим миром и глобальным консенсусом, сколько грандиозными переменами в политической и геополитической жизни», и эта турбулентность будет сопровождать (и выражаться) возврат к мультиполярному миру и растущее напряжение между лидерами и аутсайдерами цифровой технологической гонки.

«Смутное время» рубежа веков демонстрирует, таким образом, ряд достаточно четко выраженных процессов. Однополярный мир не состоялся, и в современной международной системе происходит становление новых глобальных центров силы и экономического роста, что ведет к более равномерному распределению ресурсов развития и контроля за природными богатствами. Все в большей мере актуализируется вопрос о необходимости

встраивания интересов формирующихся центров силы – Китая, Индии, Бразилии – в структуру международных режимов и институтов. Эти процессы будут протекать в ближайшие полтора-два десятка лет в мире, где будет сохраняться убывающее доминирование США.

В условиях возрастающей турбулентности и снижения уровня управляемости международными процессами значительную стабилизирующую роль может сыграть неформальное коллективное лидерство ведущих государств мира, что будет, в определенной степени, компенсировать известное несовершенство созданных во второй половине XX века международных институтов.

Развитие цифровых технологических процессов станет одним из факторов формирования более конкурентной среды, важнейшим признаком которой станет взаимодействие различных моделей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности.

### **Примечания**

1. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М., 2006. С. 18-19.
2. Ивашов Л. Геополитические горизонты России // Международная жизнь. 2007. № 5. С.37-38.
3. Там же. С. 39.
4. Хантингтон С. Неуправляемость демократии?//Демократия 1990-х. Специальный выпуск журнала Глобальные проблемы переходного периода. № 6. С.20.
5. Капхен Ч. Закат Америки: Уже скоро. М., 2004. С. 526.